

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>

УДК 314.8+711.13(470+571-17)

JEL J11

В. В. Фаузер ^{а)}, А. В. Смирнов ^{б)}^{а, б)} Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Дифференциация демографических процессов на российском Севере по типам поселений¹

Аннотация. Для российского Севера сохранение существующей сети городских и сельских поселений — вопрос геополитической важности, поскольку плотность расселения влияет на связность территории, защиту северных границ от внешних притязаний, повышение обороноспособности страны. От размера поселения зависит его возможность оказания населению медицинских и образовательных услуг. Распространена точка зрения о неперспективности демографического развития большинства северных поселений. Ставится цель раскрыть демографический потенциал городских и сельских поселений, демонстрирующих разную демографическую динамику, показать ее зависимость от численности населения. Для этого в статье раскрывается характер воспроизводства населения (рождаемости и смертности) в городских и муниципальных округах, городских и сельских поселениях разного размера. Выдвигается гипотеза, что малые поселения могут иметь преимущества по некоторым демографическим показателям. Проанализированы данные о числе родившихся и умерших за 2014–2023 гг. в разрезе 1297 муниципальных образований, всего собрано 24,5 тыс. значений показателей. Использованы методы возрастной стандартизации демографических показателей, пространственный анализ, картографические методы. Полученные результаты показали, что рождаемость почти не демонстрирует зависимость от численности населения округов и городских поселений; но чем меньше размер сельского поселения, тем выше рождаемость. Смертность по всем типам муниципальных образований продемонстрировала следующую закономерность: чем меньше численность населения, тем выше смертность. Делается вывод, что если нельзя сохранить всю существующую сеть поселений, то из всего многообразия муниципальных образований необходимо спасти те, которые демонстрируют лучшую демографическую динамику, позволяют поддержать связанность территорий и культурное многообразие, ареалы проживания коренного и старожильческого населения. В будущих исследованиях рекомендуется обратить внимание на возрастной состав населения и миграционные процессы в поселениях разного типа.

Ключевые слова: российский Север, городские и муниципальные округа, городские и сельские поселения, типология, воспроизводство населения, связанность территории

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Для цитирования: Фаузер, В. В., Смирнов, А. В. (2025). Дифференциация демографических процессов на российском Севере по типам поселений. *Экономика региона*, 21(4), 1122–1138. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>

¹ © Фаузер В. В., Смирнов А. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Viktor V. Fauzer ^{a)}, Andrey V. Smirnov ^{b)}^{a, b)} Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russian Federation**Demographic Patterns Across Settlement Types in the Russian North**

Abstract. The distribution of settlements in the Russian North has significant geopolitical implications, affecting connectivity, border security, and defence. Settlement size also determines the ability to provide essential services, such as healthcare and education, to the population. Despite this, there is a prevailing view that most northern settlements have limited demographic prospects. This article examines the demographic potential of urban and rural settlements with differing demographic dynamics and explores its dependence on population size. Specifically, the study analyses patterns of population reproduction, including birth and death rates, across urban and municipal districts as well as settlements of various sizes. The authors hypothesize that smaller settlements may have demographic advantages in certain indicators. Analysing births and deaths from 2014 to 2023 across 1,297 municipalities (24,500 data points in total), the study used age-standardized indicators combined with spatial and cartographic methods. Results indicate that birth rates in districts and urban settlements show little dependence on population size, whereas in rural settlements, smaller communities tend to have higher birth rates. Mortality, on the contrary, exhibits a consistent pattern across all settlement types: smaller populations are associated with higher mortality. The study concludes that if preserving the entire settlement network is unfeasible, priority should be given to municipalities demonstrating the most favourable demographic dynamics, ensuring territorial connectivity, cultural diversity, and the preservation of areas inhabited by indigenous peoples and long-term residents. Future research should consider the age structure and migration processes in settlements of different types.

Keywords: Russian North, urban districts, municipal districts, urban settlements, rural settlements, typology, population reproduction, territorial connectivity

Acknowledgments: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

For citation: Fauzer, V.V., & Smirnov, A. V. (2025). Demographic Patterns Across Settlement Types in the Russian North. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(4), 1122-1138. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>

Введение

В XX-XXI вв. система расселения не раз подвергалась «модернизации». Первые рамочные положения / ограничения в новой России были заложены в «Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации»¹. Она исходила из того, что в северных районах с неблагоприятными природными-климатическими условиями нецелесообразно создавать постоянные поселения, а города должны иметь пределы роста. Приоритет отдавался вахтово-экспедиционному методу. Исключение делалось для поселений коренных малочисленных народов, где сохранялся традиционный уклад жизнедеятельности. В документе также ставилась задача преодолеть стагнацию малых и средних поселений, определяющих эконо-

мическую и социальную жизнь окружающих территорий.

Сегодня вектор в развитии системы расселения определяют два документа долгосрочного действия: Стратегия пространственного развития до 2030 г.² и Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации³. Ученые отмечают необходимость учета национальной безопасности и интересов местных жителей при формировании системы расселения на Севере. Например, размещение во-

² Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 09.07.2025).

³ Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. Утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр). https://www.economy.gov.ru/material/file/b941182ed4b1c06707b31a18756689d1/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf.pdf?ysclid=mgtevmhlvtv582479979 (дата обращения: 09.07.2025).

¹ Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31). «Гарант»: справ.-прав. система. <https://base.garant.ru/71229664/> (дата обращения: 09.07.2025).

енных объектов вблизи гражданских поселений позволило бы повысить занятость местных жителей, организовать питание военнослужащих местными продуктами, улучшить качество медицинского обслуживания северян (Лексин, Порфирьев, 2015, с. 57). В территориях с абсолютно дискомфортными условиями приоритет должен отдаваться временным формам расселения (Фаузер и др., 2022, с. 108).

При слабой заселенности приграничных территорий, их обезлюживании, необходимо вспомнить известное латинское выражение: «terra nullius» — «ничья земля», а незаселенные территории являются притягательными для других государств. Чтобы удерживать территории, необходимо развивать современную систему расселения, учитывая опыт прошлого и реалии новых вызовов (Козлова, Макарова, 2020). Необходимо исправить ситуацию, когда сельские поселения переставали существовать из-за политики Н.С. Хрущева по «ликвидации неперспективных деревень», опровергнуть тезисы Е.Т. Гайдара о том, что «Север заселен искусственно и содержать его смысла нет».

Сокращение сельских и небольших городских поселений имеет еще одно негативное последствие — формирование пространственной неравномерности расселения. Концентрация населения и экономической деятельности в нескольких ареалах приводит к поляризации пространства, сокращению ойкумены (Вайнберг, 2013, с. 32).

Актуальность исследования российского Севера и Арктики обусловлена тем, что чаще всего во внимание берутся показатели площади, численности населения, произведенного внутреннего валового продукта, экспортного потенциала и т. д., а проблемы сельских поселений, поселков городского типа и малых городов, а также ареалов проживания коренных народов и автохтонного населения, отодвигаются на второй, третий и более дальние планы.

Ставится цель раскрыть демографический потенциал городских и сельских поселений, демонстрирующих разную демографическую динамику, показать ее зависимость от численности населения. Для достижения цели ставятся задачи: 1) провести типологию муниципальных образований российского Севера по расселению и численности населения; 2) оценить распределение населения российского Севера по округам и поселениям; 3) рассчитать среднее значение стандартизованных по возрасту коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста в муниципальных образованиях по типам поселений и субъектам

российского Севера; 4) рассчитать демографические показатели для крупных сельских поселений, занимающих высокое положение в иерархии центров расселения.

В фокусе внимания 13 регионов России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Предметом исследования выступают малые городские и сельские поселения российского Севера. Применены картографические методы и пространственный анализ.

Степень изученности темы

Анализ публикаций научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU показал, что большинство российских авторов, занимающихся проблемами расселения, выбирают в качестве объекта исследования крупные мегарегионы, федеральные округа или отдельные (крупные) субъекты Российской Федерации. Сельские и небольшие городские поселения менее привлекательны, сложны в сборе информации для авторов; менее востребованы органами исполнительной власти, т. к. небольшие поселения требуют больших финансовых вложений, т. е. не несут экономической выгоды, а только повышенную социальную ответственность и финансовые затраты (Фаузер и др., 2021).

Ключевые понятия теории расселения и выделение центров расселения рассмотрены в работе А.А. Ткаченко. Он отмечает, что «населенный пункт, в котором расположен хотя бы один объект — «организатор пространства», является центром расселения. Чем сложнее набор этих объектов, тем более высокое место занимает населенный пункт в иерархии центров расселения. Вместе с тяготеющими к нему пунктами центр образует пространственную систему жизнедеятельности населения (Ткаченко, 2018, с. 11).

Обзор работ, посвященных агломерациям, крупным и большим городам, авторское видение «северных городских агломераций» представлены в работе (Фаузер и др., 2021). К положительным сторонам городских агломераций относят улучшение уровня образования населения, образа и продолжительности жизни, а к негативным — экологические проблемы, снижение перспектив развития малых и средних городов (Козлова, Соськова, 2018, с. 66).

Приводятся международные сравнения по устойчивому развитию малых и средних городов российского Севера и Республики Беларусь (Гурский и др., 2023). В работах по малым городским поселениям можно отметить монографию Ю.А. Симагина, где приводится история создания уникальных поселений — по-

селков городского типа, их состояние сегодня и перспективы развития (Симагин, 2009), его публикацию о перспективах демографического развития моноотраслевых поселков городского типа (Симагин, 2019).

Проводимые исследования по стабильности населения малых городских поселений показали, как на них влияет состояние и развитие социальной среды (Тухбатуллин, Усманов, 2008), социальная привлекательность и социальное самочувствие (Аргунова, Кодина, 2013; Гагач, Родыгина, 2018), сфера досуга, качество жизни (Шерешева и др., 2017) и т. д.

Больше всего работ по малым городам посвящено миграции, и в первую очередь миграции молодежи. «Отток молодежи из малых городов России имеет значительные масштабы. Миграция молодых людей не является их спонтанным решением, установки на отъезд с целью учебы формируются задолго до окончания школы. Семьи готовы оказывать весомую поддержку молодежи при миграции в крупные города». В работе справедливо отмечается, что «глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего — молодежь» (Мкртчян, 2017, с. 226).

В работе Э.Р. Калимуллиной и В.А. Беляева дается классификация факторов миграции молодежи, выделяются две группы: объективные предпосылки — внешние побудительные причины, и субъективные «моторы» — внутреннее для молодого человека мотивы. Группа объективных предпосылок молодежной миграции включает в себя исторические, естественные, социополитические, социальноэкономические и культурные факторы. Вторая группа включает субъективные психофизиологические и коммуникационные особенности молодежи; влияние СМИ и интернета; личностные мотивы молодежи (Калимуллина, Беляев, 2017, с. 259, 262).

В ряде работ подчеркивается, что в основе стабильного развития малых городских и сельских поселений лежит экономика и стабильная работа градообразующих предприятий (Грехова, Понявина, 2019). Одной из проблем малых городов «является финансовая зависимость и экономическая несамостоятельность». Малые города уступают большим агломерациям в конкуренции за привлечение новых предприятий и трудовых ресурсов. Отток ресурсов труда в крупные города приводит к дальнейшему ослаблению экономики и снижению уровня жизни. «Проблемы малых городов остаются без внимания законодательных и испол-

нительных органов власти» (Оборин, Пивкина, 2018, с. 6). В зарубежной литературе также отмечается, что благополучие любого региона в незначительной степени зависит от устойчивого развития небольших городских и сельских поселений (Knox & Mayer, 2013; Fox & Goodfellow, 2016).

Важным аспектом существования малых городов является их влияние на прилегающие сельские территории. «Малые города образуют «низовую» сеть территориальной структуры хозяйства России, выполняя промежуточную роль между сельскими поселениями и крупными городами, обеспечивая экономическую и социокультурную взаимосвязь» (Ипполитова, 2023, с. 70). Малые города выступают в роли локальных центров для окружающей сельской местности, выступая посредником между «большим» городом и деревней (Оборин, Пивкина, 2018, с. 6).

В работах, посвященных сельским территориям, выделяется ряд проблем, затрудняющих их развитие: закрытие предприятий, рост безработицы, неразвитая инфраструктура (отсутствие дорог с твердым покрытием), отток молодежи и ряд других (Абрамова, 2011, с. 5). Особенно важным представляется «всестороннее исследование сельской местности для национальных субъектов, в которых села и сельское население являются хранителями национальной культуры, обычаев, языка и еще более сложных этнопсихологических наследий» (Дауева и др., 2019, с. 33).

Особенно остро на селе стоят проблемы смертности и здравоохранения (Карпова, Загоруйченко, 2024), лекарственного обеспечения отдаленных поселений (Джупаров, Джупарова, 2020, с. 75–78). С целью улучшения здоровья была разработана «социально-гигиеническая модель профилактики нарушений здоровья населения сельских поселений, проведена гигиеническая оценка среды обитания (загрязнения атмосферного воздуха, питьевой воды, структура питания населения)», выделены основные источники загрязнения атмосферного воздуха (Бережной и др., 2014, с. 50–51).

Завершая обзор работ, приведем работу Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова о «концепции близости». Авторы отмечают, что «именно расстояние между объектами во все времена — это один из важнейших факторов, определяющих взаимодействие между ними (или его отсутствие)». С точки зрения концепции близости физическое расстояние между объектами — это один из видов близости (пространственная близость), а всего выделяют пять видов близости» (Замятина, Пилясов, 2017, с. 9, 11).

Материалы (данные) и методы

На вопрос, что важнее: численность населения или заселенность такой огромной страны, как Россия, можно ответить, что первоочередное значение «имеют уровень заселенности территории и благоустройство разбросанных по бескрайним просторам населенных пунктов» (Рыбаковский, 2015, с. 18–19). В работе использованы термины системы расселения, определенные ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹.

Информационной базой исследования стали данные о численности населения муниципальных образований, полученные по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г., и из Базы данных показателей муниципальных образований (БДПМО²) Росстата. Сведения о числе родившихся и умерших за 2014–2023 гг. получены из БДПМО в разрезе 1297 муниципальных образований российского Севера, всего было собрано 24,5 тыс. значений статистических показателей, что позволило рассмотреть максимально детализированные из доступных для пользователей данные.

Городские и муниципальные округа рассматривались в целом, муниципальные районы — по городским и сельским поселениям. Учитывались изменения административно-территориального устройства регионов. По муниципальным образованиям рассчитаны стандартизованные коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста за 10-летний период, что позволяет нивелировать статистические выбросы из-за малолюдности некоторых муниципалитетов и пропуски в базе данных. Для сравнения муниципальных образований с разным составом населения применялся метод косвенной стандартизации по 5-летним половозрастным группам, а за стандарт принято население России. Чтобы исследование охватывало больше поселений, было решено использовать данные по 23 муниципальным районам Севера, преобразованным в муниципальные округа за 2021–2023 гг., усреднять за более короткий временной период (7–9 лет), но рассматривать с большей пространственной детализацией — по поселениям.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). «Гарант»: справ.-прав. система. <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 09.09.2025).

² БДПМО. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 09.09.2025).

Муниципальные образования сгруппированы по типу и численности населения. Всего выделено 10 групп (по три — для округов и городских поселений, четыре — для сельских). Для пространственного анализа и построения карт-схем использовались географические координаты административных центров муниципальных образований. Для городских и сельских поселений был рассчитан показатель пространственной удаленности — среднее расстояние в километрах до региональной столицы и административного центра муниципального района.

Результаты и обсуждение

Среди городских и муниципальных округов (ГМО) преобладающими являются округа с численностью населения менее 50 тыс. чел. — 74,4 %. На средние по величине округа приходится 8,1 %. В два раза больше округов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. — 17,5 %. Как видим, большая часть округов являются малыми и средними — 82,5 %. Такое распределение округов вызывает определенную озабоченность: «При переходе к рыночной экономике преимущества получили крупные города, а малые стали “заброшенной периферией с массой экономических и социальных проблем”» (Корчагина, Мигранова, 2012, с. 66). Особенно остро проблемы проявились в моногородах (Растворцева, Манаева, 2013, с. 24–25), когда многие градообразующие предприятия потеряли конкурентоспособность (Гаврильева, Архангельская, 2016, с. 76). Однако, если компании могут уйти с рынка, то неконкурентоспособные города не могут прекратить свое существование (Коротич, 2015, с. 130).

В силу того, что в экономике России все большую роль играет Азиатский Север, большая часть ГМО российского Севера расположена именно там — 58 округов. Крупные городские и муниципальные округа не представлены в Ненецком и Чукотском АО и в Магаданской области, по два их в Архангельской области и Ямало-Ненецком АО, четыре в Ханты-Мансийском АО. Больше всего малых ГМО из 64 расположены в Сахалинской — 26,6 %, в Мурманской — 17,2 % и Магаданской области — 12,5 %.

Из 156 городских поселений 51,3 % приходится на поселения с числом жителей менее 5 тыс. чел. (малые), по 24,4 % — на группы средних и крупных. Больше всего малых поселений в Республике Саха (Якутия) — 40,0 %, Ханты-Мансийском АО — 16,2 % и по 11,2 % — в Республике Карелия и Архангельской об-

ласти. Средние городские поселения (5–10 тыс.) больше всего представлены в республиках Карелия и Саха (Якутия) — по 18,4 %, в Республике Коми и Ханты-Мансийском АО их по 13,2 %. Большая часть крупных городских поселений (более 10 тыс.) расположена на Азиатском Севере — 60,5 %, в том числе в Республике Саха (Якутия) — 23,7 % и Ханты-Мансийском АО — 21,1 %. На Европейском Севере их по 13,2 % в Республике Карелия и Архангельской области.

Особое место в системе расселения на Российском Севере занимают сельские поселения. По переписи населения 2021 г. сельских поселений было 1055. Число поселений, имеющих численность населения более 5 тыс. человек, незначительно — 2,7 %. Остальные типы поселений имеют примерно одинаковые доли (%): 33,8, 32,3 и 31,2 соответственно. Преобладающим является сельское поселение с числом жителей 1–5 тыс. чел., на Европейском Севере их доля составляет 36,3 %. По северным субъектам она является основной (%): Республика Карелия — 44,7, Архангельская — 41,4 и Мурманская область — 40,0, Республика Тыва — 47,5, Камчатский край — 39,6, Ханты-Мансийский АО — 70,2 и Ямало-Ненецкий — 63,9. Преобладающими поселениями

с численностью менее 500 чел. являются (%): в Республике Коми — 35,6, Ненецком АО — 44,4, в Республике Саха (Якутия) — 41,5, Чукотском АО — 60,0 (табл. 1).

Рассмотрение типов городских и муниципальных округов, городских и сельских поселений, их распределение по численности населения позволяет показать, как расселено население по типам поселений, поскольку от этого зависит, сколько населения (в абсолютном выражении) имеет / получает тот или иной набор предоставляемых социально-бытовых услуг, имеет определенный уровень жизни в целом.

Количество муниципальных образований (МО) и численность проживающего в них населения показывают абсолютно противоположные состояния системы расселения. Так, по количеству преобладают самые мелкие ГМО и городские поселения, а по численности населения доминируют крупные. У сельских поселений картина иная: первые места по количеству и численности населения занимают поселения, где проживает 1–5 тыс. чел., на вторых местах — 500–999 чел. На третьем месте по количеству самые мелкие поселения — менее 500 чел., а по численности самые крупные — более 5 тыс. чел..

Таблица 1

Типология муниципальных образований российского Севера по расселению и численности населения, единиц

Table 1

Typology of municipalities in the Russian North by settlement pattern and population size, units

Территория / субъект РФ	Городские и муниципальные округа			Городские поселения			Сельские поселения			
	более 100 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	менее 50 тыс. чел.	более 10 тыс. чел.	5–10 тыс. чел.	менее 5 тыс. чел.	более 5 тыс. чел.	1–5 тыс. чел.	500–999 чел.	менее 500 чел.
Российский Север	15	7	64	38	38	80	28	357	341	329
Европейский Север	5	3	20	15	21	31	9	150	130	124
Республика Карелия	1	—	1	5	7	9	—	38	31	16
Республика Коми	1	2	3	3	5	6	4	41	47	51
Архангельская обл. без АО	2	1	4	5	4	9	3	65	42	47
Ненецкий АО	—	—	1	—	1	—	—	2	8	8
Мурманская область	1	—	11	2	4	7	2	4	2	2
Азиатский Север	10	4	44	23	17	49	19	207	211	205
Республика Саха (Якутия)	1	—	1	9	7	32	9	66	136	150
Республика Тыва	1	—	1	2	2	—	1	57	41	21
Камчатский край	1	—	3	1	—	1	1	19	10	18
Магаданская область	—	1	8	—	—	—	—	—	—	—
Сахалинская область	1	—	17	—	—	—	—	—	—	—
Ханты-Мансийский АО	4	3	6	8	5	13	5	40	11	1
Чукотский АО	—	—	4	—	1	2	—	2	6	12
Ямало-Ненецкий АО	2	—	4	3	2	1	3	23	7	3

Источники: перепись населения 2021 г., БДПМО.

Анализируя данные о численности населения, проживающего в поселениях разной величины, можно сделать следующие выводы. Из 7 млн 459,2 тыс. чел. 66,1 % проживают в городских и муниципальных округах, 7,3 % — в городских и 16,6 % — в сельских поселениях. Население ГМО проживает в своем большинстве в округах с числом жителей свыше 100 тыс. человек — 64,4 %, от 50 до 100 тыс. — 10,4 и менее 50 тыс. — 25,2 %. Такое распределение характерно для девяти субъектов, исключение составили Ненецкий и Чукотский АО, где все население проживает в поселениях с численностью менее 50 тыс. чел., и Сахалинская область — 59,6 %; в Магаданской области большая часть населения проживает в округах с численностью от 50 до 100 тыс. чел. — 70,8 %.

В городских поселениях более половины населения проживает в крупных поселениях, исключение — Мурманская область (45,2 %), а в Ненецком и Чукотском АО — в средних поселениях: 100,0 и 57,8 % соответственно. В сельских поселениях наиболее распространенным типом являются поселения с численностью населения 1–5 тыс. чел., исключение соста-

вили Мурманская область, где большая часть населения проживает в поселениях с численностью свыше 5 тыс. чел. — 55,4 %, Ненецкий и Чукотский АО, где 47,7 и 39,2 % населения проживает в поселениях численностью 500–999 чел. соответственно.

Выше было показано, что доля проживающих в городских поселениях незначительно превышает долю проживающих в сельских поселениях — на 0,7 п. п., однако в семи субъектах доля проживающих в сельских поселениях выше, чем в городских, и составляет (%): Республика Коми — 20,5, Архангельская область — 20,9, Ненецкий АО — 26,0, республики Саха (Якутия) — 31,2 и Тыва — 45,2, Камчатский край — 21,9 и Чукотский АО — 21,7. В Республике Тыва доля населения в сельских поселениях превышает долю проживающих в ГМО на 4,3 п. п. Самая маленькая доля населения, проживающего в сельских поселениях, в Мурманской области — 2,9 % и ХМАО — 7,7 % (табл. 2).

Воспроизводство населения. Рождаемость. Снижение рождаемости наблюдается на протяжении десятилетий, и если ранее отмечалась ее дифференциация между соци-

Таблица 2

Распределение населения Российского Севера по округам и поселениям, тыс. человек

Table 2

Distribution of the population in the Russian North by districts and settlements, thousand people

Территория / субъект РФ	Городские и муниципальные округа			Городские поселения			Сельские поселения			
	более 100 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	менее 50 тыс. чел.	более 10 тыс. чел.	5–10 тыс. чел.	менее 5 тыс. чел.	более 5 тыс. чел.	1–5 тыс. чел.	500–999 чел.	менее 500 чел.
Российский Север	3 174,0	512,3	1 243,0	811,4	278,0	202,2	220,1	680,8	236,7	100,6
Европейский Север	1 203,1	231,7	486,0	288,0	162,0	95,2	59,3	296,0	91,5	38,2
Республика Карелия	234,9	—	26,7	90,7	55,4	26,1	—	70,4	24,0	5,0
Республика Коми	233,9	164,7	69,4	71,8	34,1	12,7	31,1	75,5	31,4	13,4
Архангельская область без АО	463,9	67,0	97,4	79,8	30,5	35,7	17,4	140,7	30,0	15,9
Ненецкий автономный округ	—	—	23,4	—	7,3	—	—	2,6	5,1	3,0
Мурманская область	270,4	—	269,2	45,7	34,8	20,7	10,8	6,8	1,1	0,8
Азиатский Север	1 970,9	280,7	757,0	523,4	116,0	106,9	160,9	384,7	145,2	62,5
Республика Саха (Якутия)	372,9	—	11,4	189,4	44,6	66,2	73,8	98,9	90,6	46,9
Республика Тыва	125,2	—	12,5	31,5	15,5	—	6,1	109,3	30,8	5,9
Камчатский край	164,9	—	25,3	36,2	—	1,3	8,0	44,0	6,7	5,1
Магаданская область	—	96,4	39,7	—	—	—	—	—	—	—
Сахалинская область	188,5	—	278,1	—	—	—	—	—	—	—
Ханты-Мансийский АО	911,9	184,3	222,1	189,3	38,4	34,0	47,4	76,1	7,5	0,3
Чукотский автономный округ	—	—	26,9	—	5,9	4,3	—	2,8	4,0	3,4
Ямало-Ненецкий АО	207,4	—	141,0	77,0	11,7	1,0	25,5	53,5	5,7	1,0

Источники: перепись населения 2021 г., БДПМО.

Таблица 3

Среднее значение стандартизованного коэффициента рождаемости в муниципальных образованиях
Российского Севера по типам поселений и субъектам, 2014–2023 гг., на 1000 человек

Table 3

Average value of the standardized birth rate in municipalities of the Russian North by settlement type and region,
2014–2023, per 1,000 people

Территория / субъект РФ	Городские и муниципальные округа			Городские поселения			Сельские поселения			
	более 100 тыс. чел.	50-100 тыс. чел.	менее 50 тыс. чел.	более 10 тыс. чел.	5-10 тыс. чел.	менее 5 тыс. чел.	более 5 тыс. чел.	1-5 тыс. чел.	500-999 чел.	менее 500 чел.
Российский Север	13,7	13,1	13,4	14,9	15,7	14,7	17,0	18,1	19,2	21,6
Европейский Север	13,2	13,4	12,2	15,9	16,8	16,6	19,1	18,8	19,7	25,5
Республика Карелия	13,3	—	14,7	16,2	19,6	16,3	—	15,9	19,0	21,8
Республика Коми	13,4	13,2	14,9	15,8	15,5	15,3	21,6	19,7	20,1	24,5
Архангельская область без АО	13,3	14,0	8,7	16,8	17,7	16,9	22,6	20,1	19,9	29,6
Ненецкий автономный округ	—	—	15,5	—	8,4	—	—	15,4	19,1	17,7
Мурманская область	12,5	—	12,3	13,2	14,6	17,7	8,9	15,4	15,0	12,5
Азиатский Север	13,9	12,9	14,0	14,2	14,2	13,5	16,1	17,6	18,9	19,3
Республика Саха (Якутия)	11,1	—	7,7	13,4	12,9	13,5	18,1	16,4	17,4	18,7
Республика Тыва	16,3	—	21,1	19,6	26,3	—	14,1	22,8	23,2	22,6
Камчатский край	13,7	—	11,4	13,9	—	13,9	13,1	12,1	16,4	21,4
Магаданская область	—	11,6	14,2	—	—	—	—	—	—	—
Сахалинская область	15,6	—	14,5	—	—	—	—	—	—	—
Ханты-Мансийский АО	13,4	13,3	14,8	13,8	12,2	14,2	12,1	13,8	14,7	19,5
Чукотский АО	—	—	12,5	—	12,4	11,1	—	13,3	16,5	15,8
Ямало-Ненецкий АО	14,7	—	13,1	14,4	13,0	10,3	18,1	20,2	35,1	27,3

Источники: перепись населения 2021 г., БДПМО.

альными группами, между городом и селом, то сегодня «парадокс обратной связи» не наблюдается¹. Рассмотрим уровень рождаемости по типам муниципальных образований с помощью стандартизованного коэффициента рождаемости (СтКР).

Коэффициент рождаемости несущественно зависит от величины городских и муниципальных округов и городских поселений. По сельским поселениям картина иная, с уменьшением численности населения в сельских поселениях наблюдается рост уровня рождаемости, это хорошо видно как на примере Азиатского Севера, так и на Европейском Севере, хотя

на последнем высока рождаемость и в поселениях с населением свыше 5 тыс. жителей. Одна из причин — размещение родильных отделений в крупных населенных пунктах. Также можно отметить, что уровень рождаемости на Азиатском Севере обеспечивает расширенное воспроизводство населения в республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО (табл. 3, рис. 1).

Воспроизводство населения. Смертность.

На уровень смертности оказывают влияние множество факторов, здесь рассмотрим лишь, как зависит смертность от типа поселений, поскольку в большинстве работ сравнивается городская и сельская смертность². В це-

¹ Сначала к новым социальным ценностям и нормам (в том числе и нормам детности) переходят наиболее образованные и, главное, ранее других социальных групп утратившие связь с сельскохозяйственным укладом жизни слои интеллигенции. В результате появляется заметная дифференциация в рождаемости (вернее, в числе детей). Затем нормы малодетности усваиваются рабочим классом, также начиная с его относительно высокооплачиваемой и образованной верхушки. Наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации деревенского быта (пресловутое «сближение города и деревни») нормы малодетности закономерно распространяются и среди крестьян (Борисов, В. А. (1999/2001). Демография. Москва: Издательский дом NOTABENE, 272)..

² Процесс вымирания поколения зависит от большого числа биологических и социальных факторов смертности (генетических, природно-климатических, экономических, культурных, политических, национальных и т. п.). С точки зрения демографического анализа смертности наиболее важно деление их на две крупные группы: эндогенные (порождаемые внутренним развитием человеческого организма) и экзогенные (связанные с действием внешней среды). К эндогенным факторам относят такие биологические составляющие человека, как пол и возраст (Волгин, Н. А. (ред.) (2007). Демография. Москва: Изд-во РАГС, 440).

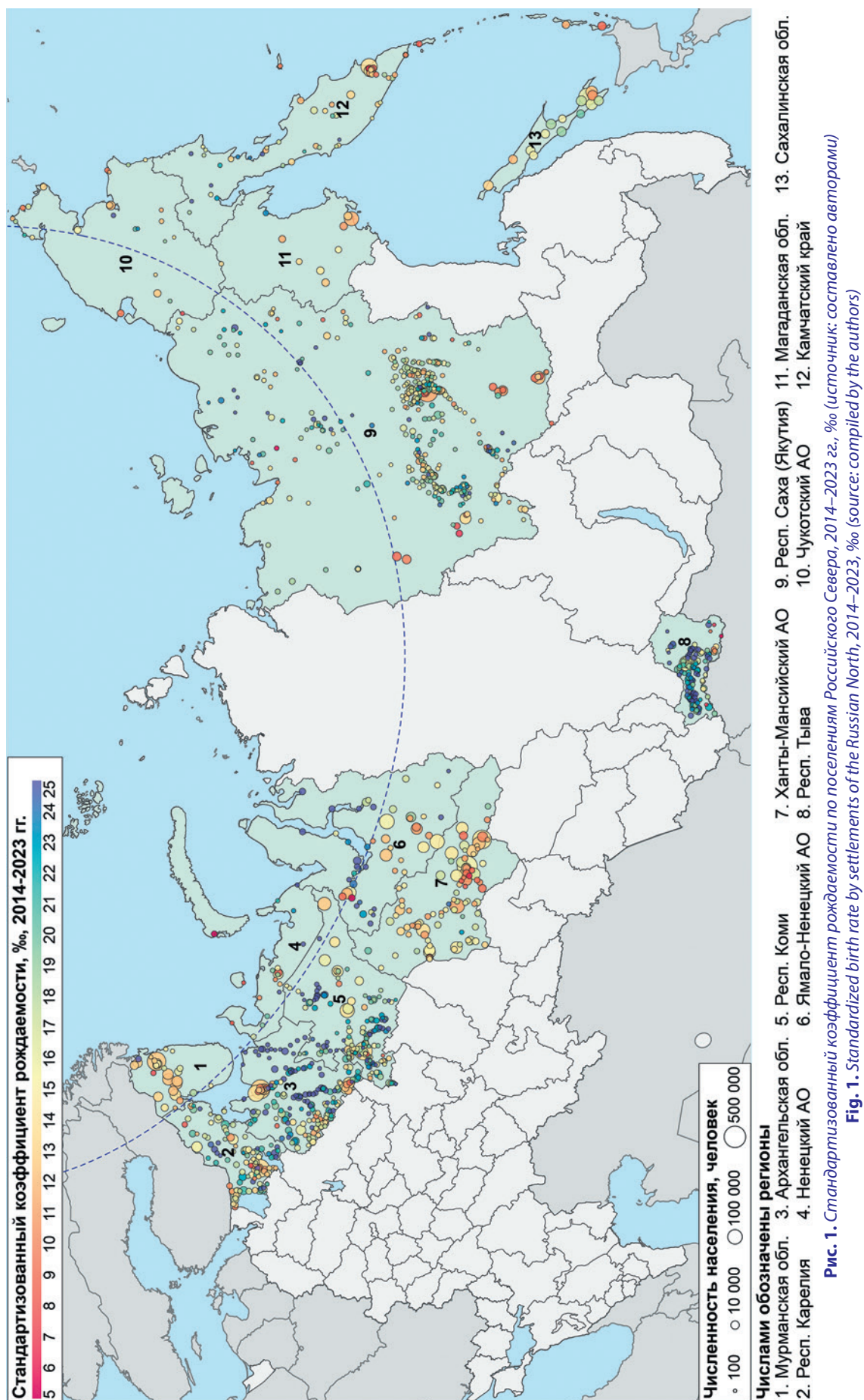

Таблица 4

Среднее значение стандартизованного коэффициента смертности в муниципальных образованиях
Российского Севера по типам поселений и субъектам, 2014–2023 гг., на 1000 человек

Table 4

Average value of the standardized death rate in municipalities of the Russian North by settlement type and region,
2014–2023, per 1,000 people

Территория / субъект РФ	Городские и муниципальные округа			Городские поселения			Сельские поселения			
	более 100 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	менее 50 тыс. чел.	более 10 тыс. чел.	5–10 тыс. чел.	менее 5 тыс. чел.	более 5 тыс. чел.	1–5 тыс. чел.	500–999 чел.	менее 500 чел.
Российский Север	11,7	12,0	14,3	13,1	16,0	16,5	10,8	16,9	18,2	22,8
Европейский Север	13,7	14,1	11,4	16,0	15,8	16,5	10,8	17,8	21,5	27,5
Республика Карелия	14,1	—	10,7	17,6	16,5	16,8	—	19,0	23,3	31,5
Республика Коми	12,7	14,3	17,2	15,7	14,4	17,3	13,1	17,4	20,3	28,3
Архангельская область без АО	13,7	13,7	8,1	13,9	16,0	14,1	12,5	17,4	21,8	26,3
Ненецкий автономный округ	—	—	11,3	—	10,1	—	—	18,8	19,9	20,8
Мурманская область	14,5	—	11,1	18,0	17,5	18,5	3,7	18,4	18,5	29,9
Азиатский Север	10,7	10,4	15,6	11,2	16,2	16,5	10,8	16,3	16,2	20,0
Республика Саха (Якутия)	9,4	—	11,0	12,0	16,8	17,8	11,6	13,1	13,6	16,3
Республика Тыва	19,9	—	24,2	16,3	21,7	—	11,9	22,3	21,2	33,1
Камчатский край	14,1	—	16,3	15,6	—	7,7	15,3	18,2	20,5	30,9
Магаданская область	—	14,0	20,1	—	—	—	—	—	—	—
Сахалинская область	13,0	—	16,3	—	—	—	—	—	—	—
Ханты-Мансийский АО	8,7	9,2	9,3	9,4	13,2	15,2	7,5	12,4	15,1	8,5
Чукотский автономный округ	—	—	18,5	—	13,7	15,2	—	26,3	27,2	28,0
Ямало-Ненецкий АО	7,8	—	9,0	8,3	17,2	2,0	11,7	15,1	22,6	19,0

Источники: перепись населения 2021 г., БДПМО.

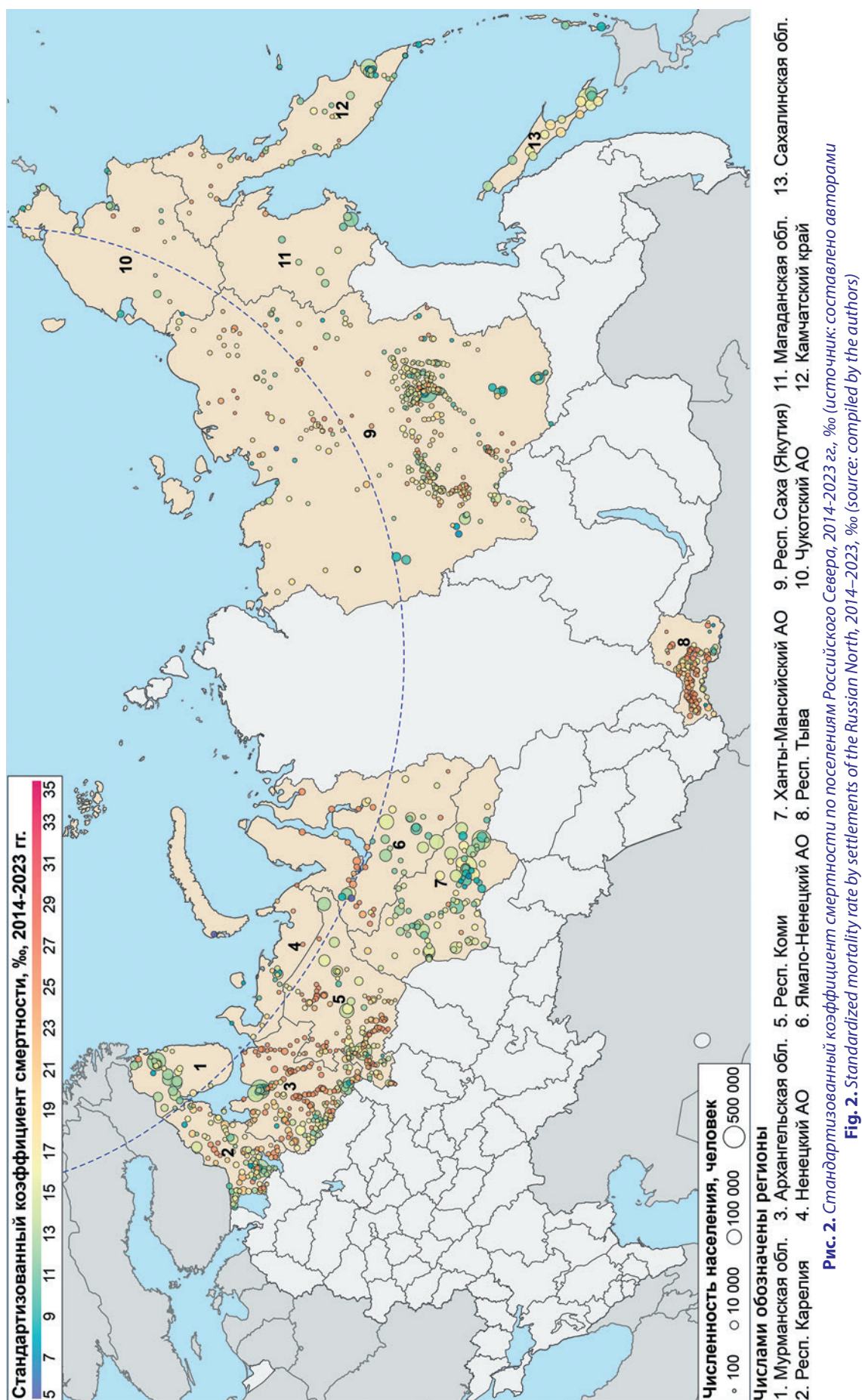
лом по Российскому Северу смертность растет от больших городских и муниципальных округов к меньшим, такую же тенденцию демонстрирует Азиатский Север и входящие в него регионы. Иную картину показывает Европейский Север, здесь смертность уменьшалась от средних ГМО к малым, исключение составила Республика Коми, где смертность росла от больших к малым поселениям. В городских поселениях наблюдалась устойчивая тенденция роста смертности от больших поселений к малым на Азиатском и по Северу в целом. На Европейском Севере имело место снижение смертности от больших к средним, а затем рост к малым поселениям, это произошло за счет Архангельской области. В сельских поселениях уровень смертности увеличивался по мере снижения численности населения в поселениях. Если использовать шкалу уровня смертности: ОКС низкий уровень — до 10,0 ‰, средний — 10,0–14,9 ‰, высокий — 15,0–24,9 ‰, очень высокий — 25,0–34,9 ‰, чрезвычайно высокий — 35,0 ‰ и выше¹, — то в се-

верных субъектах можно найти все его значения. Стандартизованный коэффициент смертности (СтКС) был низким в городских и муниципальных округах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО, в крупном округе Республики Саха (Якутия); в крупных городских поселениях ЯНАО. Уровень смертности увеличивался по мере снижения численности населения в поселениях всех типов. В сельских поселениях он был очень высоким в поселениях с числом жителей менее 500 человек в республиках Карелия и Тыва, Камчатском крае и Мурманской области (табл. 4, рис. 2).

Коэффициенты прироста населения выполняют важную роль: они показывают соотношение коэффициентов рождаемости и смертности, положительное значение свидетельствует о росте населения, а отрицательная величина — об убыли и депопуляции населения. Общую картину определяет Азиатский Север, где естественный прирост уменьшается от больших ГМО к средним, а в малых округах имеет место убыль населения. На Европейском Севере наблюда-

¹ Для оценки уровня смертности применяется шкала общих коэффициентов, которая широко используется при проведении сопоставления в разных регионах (Кильдишев, Г. С.,

Козлова, Л. Л., Ананьева, С. П. и др. (1990). Статистика населения с основами демографии (с. 158–159). Москва: Финансы и статистика).

ется убыль во всех ГМО с населением свыше 50 тыс. человек. В городских и сельских поселениях с уменьшением их численности ухудшается естественный прирост населения, от положительной величины до отрицательного значения. Среди сельских поселений Азиатского Севера положительный прирост продемонстрировали группы от 500 жителей, Европейского Севера — от 1000 (табл. 5). Показатель пространственной удаленности продемонстрировал, что высокую естественную убыль демонстрируют самые удаленные городские поселения. В остальных типах поселений не выявлена зависимость между пространственной удаленностью и естественным движением населения.

Связанность северных и арктических территорий обеспечивают все поселения, но по количеству — сельские поселения (1055), основная часть сельских поселений имеет число жителей менее 5 тыс. человек — 97,3 %, а крупных — всего 28, или 2,7 %. Существует ряд типологий сельских поселений: по специализации, по темпам эконо-

мического развития, по специализации экономики, по плотности населения, являются опорными или нет и ряду других оснований (Семенов, 2022, с. 270). Объем статьи позволяет рассмотреть лишь демографические показатели крупных сельских поселений.

Крупные сельские поселения продемонстрировали относительно хорошую демографическую динамику. С переписи населения 2010 г. по перепись 2021 г. только в шести поселениях уменьшилась численность населения, а в поселении Нижнесортымский возросло на 137,8 %. В 18 поселениях СтКР был выше 16,0 %, что обеспечивало слегка расширенное воспроизводство населения. В 9 сельских поселениях СтКС был низким — менее 10,0 %. Высокая рождаемость и низкая смертность способствовали тому, что только в одном поселении стандартизованный прирост населения был отрицательным (табл. 6). Общий коэффициент естественного прироста при этом был отрицательным в шести поселениях.

Таблица 5

Среднее значение стандартизованного коэффициента естественного прироста/убыли по территориям муниципальных образований российского Севера и по типам поселений, 2014–2023 гг., на 1000 чел.

Table 5

Average value of the standardized natural increase/decrease rate in municipalities of the Russian North by settlement type, 2014–2023, per 1,000 people

Территория	Городские и муниципальные округа			Городские поселения			Сельские поселения			
	более 100 тыс. чел.	50-100 тыс. чел.	менее 50 тыс. чел.	более 10 тыс. чел.	5-10 тыс. чел.	менее 5 тыс. чел.	более 5 тыс. чел.	1-5 тыс. чел.	500-999 чел.	менее 500 чел.
Российский Север	2,0	1,1	–0,9	1,8	–0,3	–1,8	6,3	1,2	1,0	–1,2
Европейский Север	–0,6	–0,7	0,8	–0,1	1,0	0,1	8,3	0,9	–1,8	–2,0
Азиатский Север	3,2	2,4	–1,7	3,1	–1,9	–2,9	5,3	1,4	2,7	–0,7

Источники: перепись населения 2021 г., БДПМО.

Таблица 6

Демографические показатели крупных сельских поселений российского Севера*

Table 6

Demographic indicators of large rural settlements of the Russian North

Сельское поселение	Субъект РФ	Численность населения, человек		Стандартизованные коэффициенты, 2014–2023 гг., %		
		2010 г.	2021 г.	рождаемости	смертности	естеств. прироста
Нижнесортымский	Ханты-Мансийский АО	10 314	14 217	17,2	3,5	13,7
Солнечный	Ханты-Мансийский АО	11 299	13 960	14,3	9,6	4,7
Вьльгорт	Респ. Коми	10 289	10 564	18,1	12,1	6,0
Сунтарский наслег	Респ. Саха (Якутия)	10 034	10 302	20,8	10,7	10,1
Чурапчинский наслег	Респ. Саха (Якутия)	8 769	10 235	19,2	9,3	9,9
Ленский наслег	Респ. Саха (Якутия)	8 890	9 925	14,7	11,6	3,1
Пурпе	Ямало-Ненецкий АО	9 840	9 570	10,3	6,0	4,3
Тазовский	Ямало-Ненецкий АО	6 793	8 441	17,6	13,9	3,7

Окончание табл. 6 на след. стр.

Окончание табл. 6

Сельское поселение	Субъект РФ	Численность населения, человек		Стандартизованные коэффициенты, 2014–2023 гг., ‰		
		2010 г.	2021 г.	рождаемости	смертности	естеств. прироста
Село Майя	Респ. Саха (Якутия)	7 291	8 075	16,7	12,3	4,4
Объячево	Респ. Коми	7 590	8 038	22,3	12,9	9,3
Мильковское	Камчатский край	9 250	8 013	13,1	15,3	-2,2
Салым	Ханты-Мансийский АО	7 017	7 989	9,0	7,2	1,8
Яр-Салинское	Ямало-Ненецкий АО	6 928	7 533	26,5	15,3	11,2
Таттинский наслег	Респ. Саха (Якутия)	6 828	7 472	18,1	9,7	8,4
Мюрюнский наслег	Респ. Саха (Якутия)	6 015	7 447	16,6	10,0	6,5
Березниковское	Архангельская область	7 234	7 197	26,3	12,6	13,7
Бердигестяхский наслег	Респ. Саха (Якутия)	6 472	6 964	19,8	12,8	7,1
Верхневильюйский наслег	Респ. Саха (Якутия)	6 457	6 961	17,3	15,6	1,7
Визинга	Респ. Коми	6 810	6 858	21,7	11,9	9,7
Амгинский наслег	Респ. Саха (Якутия)	6 533	6 381	19,8	12,5	7,3
Сукпакский сумон	Респ. Тыва	4 187	6 106	14,1	11,9	2,2
Сингапай	Ханты-Мансийский АО	3 133	5 788	9,2	7,2	2,0
Усть-Кулом	Респ. Коми	5 147	5 612	24,2	15,6	8,6
Алакуртти	Мурманская область	3 443	5 559	14,0	6,6	7,4
Уньюган	Ханты-Мансийский АО	4 577	5 478	10,9	10,2	0,7
Корзуново	Мурманская область	2 546	5 198	3,8	0,7	3,1
Алексеевское	Архангельская область	6 496	5 196	20,5	13,5	7,0
Ильинское	Архангельская область	5 762	5 039	21,1	11,3	9,8

Примечание: *Ранжировано по убыванию численности населения, 2021 г.

Источники: переписи населения 2010 и 2021 гг., БДПМО.

Заключение

В число первоочередных задач для российского Севера входит сохранение небольших городских и сельских поселений. Сложность ее решения состоит в том, что в небольших поселениях трудно создать и поддерживать социальную инфраструктуру, и в первую очередь учреждения образования и здравоохранения. Если в советский период основную часть расходов на социальную сферу брало на себя государство, проводя патерналистскую политику, то с приходом рынка частный бизнес не готов вкладываться в развитие слабозаселенных территорий, традиционных промыслов, во все то, что не приносит прибыль.

Бесспорным является тот факт, что для связанности северных и арктических территорий, поддержания обороноспособности страны необходимо в этих регионах сохранить сеть поселений, включающих малые города и поселки городского типа, крупные и средние сельские поселения. В ареалах проживания КМНС требования к величине сельских поселений могут быть иными, исходя из того, какие функции они выполняют. Это могут быть поселения, где коренное население проживает после выхода на пенсию и сохраняет связь с тундрой, или это могут быть поселения, выполняющие

полный цикл образовательных и медицинских услуг. Практика же показала, что число поселений на Российском Севере сократилось с 10 967 в 1970 г. до 7254 в 2021 г. Сокращение шло по всем типам поселений, но больше всего это коснулось сельских населенных пунктов.

Анализ воспроизводства населения показал, что в городских и муниципальных округах, городских поселениях стандартизованный коэффициент рождаемости почти не зависит от величины поселения, в сельских поселениях уровень рождаемости выше в поселениях с меньшим числом жителей. Уровень смертности напрямую зависит от людности поселений, чем меньше численность, тем выше уровень смертности.

В заключение хотелось бы отметить, что, по мнению Президента РФ В. Путина, когда речь заходит о численности населения в северных поселениях, «только численность населения в данном случае — не главное. Мы должны иметь в виду, что даже небольшие населенные пункты, небольшие поселки могут иметь для страны стратегическое значение»¹.

¹ Администрация Президента России. (2023, 20 июля). Совещание по развитию ЗАТО и городов в Арктической зоне. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71711> (дата обращения:).

Список источников

- Абрамова, Е. А. (2011). Кризис сельских поселений в России: самозанятость населения. *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*, (3(27)), 5–11.
- Аргунова, В. Н., Кодина, И. Н. (2013). Методика изучения социального самочувствия населения малого города. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, (1 (29)), 7–11.
- Бережной, В. Г., Ерофеев, Ю. В., Новикова, И. И., Савченко, О. А. (2014). Методические основы гигиенической оценки среды обитания в сельских поселениях с низкой плотностью населения. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, (2(16)), 50–55.
- Вайнберг, Э. И. (2013). Пространство, расселение и модернизация экономики России. *Федерализм*, (1), 25–38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2013-1-25-38>
- Гаврильева, Т. Н., Архангельская, Е. А. (2016). Северные города: общие тренды и национальные особенности. *ЭКО*, (3(501)), 63–79.
- Гагач, М. Г., Родыгина, М. В. (2018). Специфика организации досуга населения в малых городах. *Культура и образование*, (4(31)), 132–138.
- Грехова, Е. Р., Понявина, М. Б. (2019). Роль малых городов в развитии экономики страны. *Вести научных достижений. Экономика и право*, (2), 6–10.
- Гурский, В. Л., Фаузер, В. В., Солодовников, С. Ю., Смирнов, А. В., Сергиевич, Т. В., Клименко, В. А., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2023). *Устойчивое развитие малых и средних городов Беларуси и российского Севера в условиях агломерационного эффекта*. Минск: Беларуская навука, 373.
- Дауева, М. В., Хурумова, Н. Т., Дудаева, З. С. (2019). Экономико-географические методы изучения проблем сельских поселений РСО-Алания. *Евразийский Союз Ученых*, (4-7(61)), 32–34.
- Джупаров, А. С., Джупарова, И. А. (2020). Анализ лекарственного обеспечения населения сельских поселений Новосибирской области. *Journal of Siberian Medical Sciences*, (4), 74–81.
- Замятина, Н. Ю., Пилясов, А. Н. (2017). Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, (3), 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>
- Ипполитова, Н. А. (2023). Пространственная динамика численности населения малых городов сибирских регионов. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки*, (1), 70–78. <https://doi.org/10.18522/1026-2237-2023-1-70-78>
- Калимуллина, Э. Р., Беляев, В. А. (2017). Информационно-сетевые и этноконфессиональные факторы миграции молодежи из малого города. *Вестник экономики, права и социологии*, (4), 258–263.
- Карпова, О. Б., Загоруйченко, А. А. (2024). К вопросу о смертности населения и проблемах здравоохранения в сельских поселениях. *Менеджер здравоохранения*, (3), 105–113. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-2-105-113>
- Козлова, О. А., Макарова, М. Н. (2020). Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения. *Экономика региона*, 16(1), 84–96. <https://doi.org/10.17059/2020-1-7>
- Козлова, О. А., Соськова, О. Н. (2018). Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 10(1), 64–79. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-64-79>
- Коротич, М. В. (2015). Оценка экономической конкурентоспособности малого города. *ЭКО*, 45(8), 130–136. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2015-8-130-136>
- Корчагина, И. И., Мигранова, Л. А. (2012). Уровень жизни населения малых городов России. *Народонаселение*, (2), 66–74.
- Лексин, В., Порфирьев, Б. (2015). Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России. *Проблемы теории и практики управления*, (6), 54–60.
- Мкртчян, Н. В. (2017). Миграция молодежи из малых городов России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (1), 225–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>
- Оборин, М. С., Пивкина, Н. Ю. (2018). Финансовые аспекты развития экономики малых городов. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, (3(44)), 5–13.
- Растворцева, С. Н., Манаева, И. В. (2016). *Развитие методического обеспечения оценки и прогнозирования социально-экономического состояния моногорода*. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 113.
- Рыбаковский, Л. Л. (2015). Депопуляция и ее этнические аспекты в России. *Социологические исследования*, (4(372)), 18–28.
- Семенов, А. В. (2022). Типы сельских поселений. *Russian Journal of Management*, 10(2), 267–276. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-267-276>
- Симагин, Ю. А. (2009). *Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения*. Москва: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 244.
- Симагин, Ю. А. (2019). Перспективы демографического развития моноотраслевых поселков городского типа России. *Россия: тенденции и перспективы развития*, (14-2), 706–708.

Ткаченко, А. А. (2018). Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (2), 10–14.

Тухбатуллин, Д. Г., Усманов, В. Ф. (2008). Малый город: образ жизни населения и теоретико-методологические проблемы управления социальными процессами. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, (9(43)), 96–98.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2021). Городские агломерации в системе расселения Севера России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(4), 77–96. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.5>

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2021). Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера. *Экономика региона*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2022). *Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение*. Москва: Политическая энциклопедия, 215.

Шерешева, М. Ю., Оборин, М. С. Костанян, А. А. (2017). Особенности оценки качества жизни населения малых городов. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 9(2), 289–311. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-289-311>

Fox, S., & Goodfellow, T. (2016). *Cities and development*. London: Routledge, 358.

Knox, P., & Mayer, H. (2013). *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation*. Walter de Gruyter, 208.

References

Abramova, E. A. (2011). Rural settlements crisis in Russia: Population self-employment. *Sovremennye naukoemkie tehnologii. Regionalnoe prilozhenie [Modern High Technologies. Regional Application]*, (3(27)), 5–11. (In Russ.)

Argunova, V. N., & Kodina, I. N. (2013). Small town's population social well-being research technique. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]*, (1 (29)), 7–11. (In Russ.)

Beregnoy, V. G., Erofeev, Yu. V., Novikova, I. I. & Savchenko, O. A. (2014). Methodological bases of hygienic assessment of the living environment in rural settlements with low population density. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya [The Science of Person: Humanitarian Researches]*, (2(16)), 50–55. (In Russ.)

Daueva, M. V., Khurumova, N. T., & Dudaeva, Z. S. (2019). Economic-geographic methods of studying the problems of agricultural settlements of the Republic of North Ossetia-Alania. *Evraziyskiy Soyuz Uchenyh [Eurasian Union of Scientists]*, (4-7(61)), 32–34. (In Russ.)

Dzhuparov, A. S., & Dzhuparova, I. A. (2020). Analysis of Novosibirsk Region rural settlements population drug provision. *Sibirskiy meditsinskiy nauchnyi zhurnal [Journal of Siberian Medical Sciences]*, *Journal of Siberian Medical Sciences*, (4), 74–81. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Fauzer, G. N. (2021). Demographic Assessment of the Sustainability of Small and Medium-sized Cities in the Russian North. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14> (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., & Fauzer, G. N. (2022). *Rossiyskaya i Mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie [Russian and World Arctic: Population, economy, settlement]*. Moscow: Publishing House “Politicheskaya enciklopediya”, 215. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., & Fauzer, G. N. (2021). Urban agglomerations in the settlement system of the North of Russia. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 14(4), 77–96. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.5> (In Russ.)

Fox, S., & Goodfellow, T. (2016). *Cities and development*. Routledge.

Gagach, M. G., & Rodygina, M. V. (2018). The specifics of the organization of leisure of the population in small towns. *Kul'tura i obrazovaniye [Culture and Education]*, (4(31)), 132–138. (In Russ.)

Gavril'yeva, T. N., & Arkhangelskaya, E. A. (2016). The northern cities and urban settlements: The common trends and national features. *EKO [ECO]*, (3(501)), 63–79. (In Russ.)

Grehova, E. R. & Ponyavina, M. B. (2019). The role of small towns in the development of the country's economy. *Vesti nauchnykh dostizheniy. Ekonomika i pravo [News of scientific achievements. Economics and Law]*, (2), 6–10. (In Russ.)

Gursky, V. L., Fauzer, V. V. & Solodovnikov, S. Yu., Smirnov, A. V., Sergievich, T. V., Klimenko, V. A., Lytkina, T. S., & Fauser, G. N. (2023). *Ustoychivoe razvitie malyyh i srednih gorodov Belarusi i rossiyskogo Severa v usloviyakh aglomeratsionnogo effekta [Sustainable development of small and medium cities in Belarus and the Russian North in the conditions of the agglomeration effect]*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 373. (In Russ.)

Ippolitova, N. A. (2023). Spatial dynamics of the population of small towns in the Siberian regions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Yestestvennyye nauki [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Natural Sciences]*, (1), 70–78. <https://doi.org/10.18522/1026-2237-2023-1-70-78> (In Russ.)

Kalimullina, E. R., & Belyaev, V. A. (2017). Information-network and ethno-confessional factors of youth migration from small city. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]*, (4), 258–263. (In Russ.)

Karpova, O. B., & Zagoruychenko, A. A. (2024). On the issue of mortality and health problems in rural settlements. *Menedzher zdravookhraneniya [Manager Zdravookhraneniya]*, (3), 105–113. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-2-105-113> (In Russ.)

- Knox, P., & Mayer, H. (2013). *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation*. Walter de Gruyter.
- Korchagina, I. I., & Migranova, L. A. (2012). Living standards in small Russian towns. *Narodonaselenie [Population]*, (2), 66–74. (In Russ.)
- Korotich, M. V. (2015). Economic competitiveness of a small-town: Complex approach. *EKO [ECO]*, 45(8), 130–136. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2015-8-130-136> (In Russ.)
- Kozlova, O. A., & Makarova, M. N. (2020). Assessment of Population's Adaptation to the Changing Living Conditions in Terms of Convergence of the Regional Settlement Systems. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(1), 84–96. <https://doi.org/10.17059/2020-1-7> (In Russ.)
- Kozlova, O. A., & Soskova, O. N. (2018). Spatial differentiation factors of urban population density in the industrial regions of the Urals and Trans-Urals. *Ars Administrandi*, 10(1), 64–79. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-64-79> (In Russ.)
- Leksin, V., & Porfiriev, B. (2015). New development of the arctic area: a challenge and socioeconomic resource for Russia's future. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management]*, (6), 54–60. (In Russ.)
- Mkrtychyan, N. V. (2017). The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of the Public Opinion: Economic and Social Changes]*, (1), 225–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15> (In Russ.)
- Oborin, M. S., & Pivkina, N. Yu. (2018). Financial aspects of economic development of small towns. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii [Scientific Bulletin: Finance, banking, investment]*, (3(44)), 5–13. (In Russ.)
- Rastvortseva, S. N., & Manaeva, I. V. (2016). *Razvitie metodicheskogo obespecheniya otsenki i prognozirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo sostoyaniya monogoroda [Development of Methodical Maintenance of Forecasting Evaluation of Socio-Economic Condition of the Company Towns]*. Moscow: Publishing house Ekon-Inform Ltd., 113. (In Russ.)
- Rybakovskiy, L. L. (2015). Depopulation and its ethnic aspects in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, (4(372)), 18–28. (In Russ.)
- Semenov, A. V. (2022). Types of rural settlements. *Russian Journal of Management*, 10(2), 267–276. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-267-276> (In Russ.)
- Sheresheva, M. Yu., Oborin, M. S., & Kostanyan, A. A. (2017). Assessment features for life quality in small towns. *Ars Administrandi*, 9(2), 289–311. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-289-311> (In Russ.)
- Simagin, Yu. A. (2009). *Posyolki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiya seti i osobennosti naseleniya [Urban-Type Settlements of Russia: Transformation of the Network and Features of the Population]*. Moscow: Institute of Socioeconomic Studies of Population RAS, 244. (In Russ.)
- Simagin, Yu. A. (2019). Prospects of demographic development of single-industry urban-type settlements in Russia. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and development prospects]*, (14-2), 706–708. (In Russ.)
- Tkachenko, A. A. (2018). Key concepts of the settlement theory: an attempt of rethinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]*, (2), 10–14. (In Russ.)
- Tyhatylin, D. G., & Usmanov, V. F. (2008). A small town: The mode of living of the population and methodological-theoretic problems of social processes control. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta [Scientific notes of P. F. Lesgaft University]*, (9(43)), 96–98. (In Russ.)
- Vainberg, E. I. (2013). Space, settling and the modernization of the economy of Russia. *Federalizm [Federalism]*, (1), 25–38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2013-1-25-38> (In Russ.)
- Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2017). Concept of proximity: Foreign experience and prospects of application in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, (3), 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X> (In Russ.)

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; Scopus Author ID: 57190415976; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Смирнов Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; Scopus Author ID: 57206892878; Researcher ID: N-8102-2017; <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

About the authors

Viktor V. Fauzer — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57190415976; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Andrey V. Smirnov — Cand. Sci. (Econ.), Head of Laboratory, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57206892878; Researcher ID:

N-8102–8102-2017; <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 28.05.2025.

Прошла рецензирование: 17.07.2025.

Принято решение о публикации: 01.10.2025.

Received: 28 May 2025.

Reviewed: 17 Jul 2025.

Accepted: 01 Oct 2025.